

УДК 801.73

DOI 10.17223/19986645/31/6

А.А. Казаков

МЕСТО Л.Н. ТОЛСТОГО В ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ В ВОСПРИЯТИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ИМАГОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ¹

В статье на основе писем и публицистических выступлений Ф.М. Достоевского сделана имагологическая реконструкция понимания Достоевским места Л.Н. Толстого в истории русской литературы. Великий писатель считает, что художественный мир Толстого полностью основывается на открытиях А.С. Пушкина. Как показано в статье, писатель имеет в виду модель ценностной архитектоники конвенционального типа, которую он обнаружил в прозе Пушкина (прежде всего, в «Повестях Белкина»). Эту же модель он видит в произведениях Толстого и именно в этом смысле считает его прямым продолжателем Пушкина.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, история русской литературы, имагология, имагологическая реконструкция, ценность, архитектоника, литературная традиция, русские писатели как критики.

Ф.М. Достоевский настойчиво повторяет мысль, что творчество Л.Н. Толстого не является новым словом в русской литературе, а развивает прозаические открытия А.С. Пушкина (см. об этом также работу Л. Розенблюм [1. С. 172–174]). Нередко при интерпретации этого утверждения Достоевского некритично используются обезличенно-обобщенные представления о Пушкине (как правило, их место неправомерно занимают представления самого исследователя, детерминированные неким общим современным прочтением темы). Методологически ответственный подход требует различения наших «образов» Пушкина и Толстого от тех, которые были присущи Достоевскому. Необходимо выстроить исторически адекватный контекст модели творчества Пушкина и Толстого у Достоевского, который учитывал бы обстоятельства времени и важнейшие составляющие творческих поисков самого великого русского романиста. Нужна, таким образом, имагологическая реконструкция этой модели, что позволит дополнить наше понимание миров Достоевского и Толстого, прольёт новый свет на один из важных моментов истории русской литературы – с точки зрения того, как этот момент понимали его важнейшие участники.

Для начала рассмотрим важнейшие примеры указанной выше оценки Достоевским места Л. Толстого в истории русской литературы. О зависимости автора «Войны и мира» от открытий Пушкина Достоевский пишет Н.Н. Страхову в письме от 24.3 / 5.4. 1870:

«Две строчки о Толстом, с которыми я не соглашаюсь вполне, это – когда Вы говорите, что Л. Толстой равен всему, что есть в нашей литературе великого. Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов – гении.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания на выполнение НИР «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)» (код проекта 2059).

Явиться с Арапом Петра Великого и с Белкиным – значит решительно явиться с гениальным новым словом, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано. Явиться же с «Войной и миром» – значит явиться после этого нового слова, уже высказанного Пушкиным, и это во всяком случае, как бы далеко и высоко ни пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением, нового слова. По-моему, это очень важно. Впрочем, я не могу всего высказать в нескольких строках» [2. Т. 29/1. С. 114].

Эту же мысль Достоевский высказывает в «Дневнике писателя» (январь 1877), характеризуя героя «Отрочества»: «...мальчик довольно необыкновенный, а между тем именно принадлежащий к этому типу семейства средне-высшего дворянского круга, поэтом и историком которого был, по завету Пушкина, вполне и всецело, граф Лев Толстой» [2. Т. 25. С. 32].

Контекст этого отождествления проступает и в сложной переключке мотивов окончательного текста «Подростка» и его черновых материалов: в набросках к роману говорится о несоответствии того, что показывает Толстой, духовной сути современного «подпольного» человека [2. Т. 16. С. 329]; в «письме» Николая Семёновича в последней главе «Подростка» написано о расхождении природы представителя русской жизни текущего момента и пушкинской модели духовно оформленного дворянского бытия (последнее признаётся материалом «исторической» романистики, как и в приведённом выше отрывке из «Дневника писателя», посвящённом Толстому).

Что именно имеет в виду Достоевский, когда выстраивает модель творческого своеобразия Толстого со ссылкой на открытия Пушкина? Какой «образ» Пушкина при этом подразумевается? Какие прозаические открытия гениального поэта представляются наиболее важными для Достоевского?

Как известно, Пушкин был определяющим литературным ориентиром, кумиром для Достоевского. «Ученик», будучи очень не похож по художественной манере на «учителя», прецеденты своих новаторских решений находит в наследии Пушкина: будь ли это метод фантастического реализма, обнаруженный в «Пиковой даме», будь ли это тема почвы и беспочвенности, народности и странничества, утверждённая в «Пушкинской речи» Достоевского как главная тема русского поэта.

На протяжении всего творческого пути Достоевского прослеживается его интерес к пушкинскому прозаическому циклу «Повести Белкина». В дебютном романе Достоевского «Бедные люди» главный герой читает «Станционного смотрителя», одну из повестей названного цикла, и гоголевскую «Шинель». Герой делает выбор в пользу пушкинского варианта прочтения судьбы маленького человека. Принципиальность этого выбора оттеняется тем, что В.Г. Белинский, «под крылом» которого молодой Достоевский опубликует свой первый роман, резко негативно оценивает «Повести Белкина» (см. об этом скрытом конфликтном мотиве взаимодействия с Белинским у В.Я. Кирпотина [3. С. 479]) и пытается привить традицию гоголевского реализма в русской литературе.

Имя и отчество Белкина Достоевский даёт рассказчику «Униженных и оскорблённых», с ним соотносит главного героя в «Подростке»: «Вообще в лице Подростка выразить всю теплоту и гуманность романа, все тёплые места (Ив. П. Белкин), заставить читателя полюбить его» [2. Т. 16. С. 63].

Во многих произведениях великого русского романиста (особенно в названных выше – в тех, в которых «белкинская» тема прямо обозначена) творчески осмыслиется пушкинская модель ценностного строя реальности. (Точнее, не пушкинская, а «белкинская» модель, поскольку в мире Пушкина есть и другие варианты ценностной архитектоники.)

В «Повестях Белкина» мы видим специфический вариант аксиологической активности «прецедентного» типа. Это предполагает, что ценность как будто бы естественно возникает в самой жизни, герой самостоятельно ориентируется в ценностной среде, опираясь на общепринятые образцы.

Основная модель ценностной архитектоники у Достоевского иная: у него важно диалогическое различие позиций Я и Другого (а значит, «прибыльности» позиции Другого, в том числе авторской позиции).

Такого рода прецедентная, конвенциональная ценностная архитектоника крайне важна у Достоевского в связи с категорией почвы, занимающей центральное положение в его идеологии.

Систему аксиологической организации жизни, которая представлена в почвенной традиции, М.М. Бахтин характеризует как «биографическое» смысловое целое [4. С. 215–229]. Последовательно изложенную нравственную философию, опирающуюся именно на прецедентную стратегию поступка, можно найти также в трудах Х.-Г. Гадамера [5. С. 371–383].

Поле ценностного напряжения организуется здесь следующим образом: аксиологическая обеспеченность даётся не прибыльным даром Другого (хотя и на основе Другости, за счёт существенной потери Я в среде Другости), само живущее Я вкладывает в поступки материал для возможной оценки окружающих (т.е. ценностную выстроенность с точки зрения Другого), всё делается с учётом существующих представлений о том, что хорошо и что плохо, по которым потом поступок будет оценён, жизнь строится из конвенциональных, всеми принятых и утвержденных в своей значимости аксиологических «кирпичиков».

В романах Достоевского показан кризис этой традиционалистски-конвенциональной аксиологической системы. Оказалось невозможным сохранить «честь смолоду» (из эпитафии к «Капитанской дочке»), по пушкинской модели, просто следуя нормам порядочности (судьба Вареньки Добросёловой в «Бедных людях», матери Нелли и Наташи Ихменевой в «Униженных и оскорбленных») реализует эту идею буквально – в связи с девической честью; так или иначе, эта же проблема воплощена и в судьбах других героев). Конвенциональная аксиология беззащитна перед лицом провокации, перед позицией, не принимающей её основ (гоголевский вариант такой провокации действует в «Бедных людях» и «Двойнике», авантюрно-фельетонный – в «Бедных людях» и «Униженных и оскорбленных»). Можно также вспомнить невозможность сохранить своё доброе имя в истории Дуни Раскольниковой (в её столкновении со Свидригайловым).

Достоевский видит в произведениях Толстого действие именно этой аксиологической модели и даже прямо указывает на это в процитированном письме к Страхову: именно «Повести Белкина» и «Арапа Петра Великого» Достоевский называет как примеры произведений Пушкина, в которых ска-

зано новое художественное слово, продолжателем которого, по мысли автора «Дневника писателя», является Лев Толстой.

Вот один из хрестоматийных примеров взаимодействия толстовского героя с позицией Другого: «"Это удивительно, как я умна – и как... она мила", – продолжала она [Наташа Ростова], говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про неё какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина... "Всё, всё в ней есть, – продолжал этот мужчина, – умна необыкновенно, мила и, потом, хороша, необыкновенно хороша, ловка – плавает, верхом ездит отлично, а голос! Можно сказать, удивительный голос!"» [6. С. 202].

Заметим, что Другой здесь – именно некий анонимный (но авторитетный) представитель общественного мнения. И героиня рассчитывает, что «кирпичики», из которых составлено её бытие, обязательно будут оценены Другим по достоинству, аксиологические субстантивы, «заслуги», которые она может предъявить Другим, имеют доказательную силу, поскольку выработка этих «заслуг» изначально происходит именно в контексте негласного соглашения с Другими по поводу того, что делает девушку «необыкновенно милой».

Еще раз отметим, что Достоевский считает Толстого писателем «историческим» – в том числе в том смысле, что живое бытование такой конвенциональной ценностной системы ушло в прошлое, в современности, как последнюю показывает Достоевский, такая ценностная организация реальности уже не работает. Впрочем, он готов видеть в мире Толстого и элементы диалогической архитектоники, которые более адекватны изменившемуся миру.

Достоевский видит диалогическую подоплёку в «Отрочестве» Толстого. В главке «Именинник» из «Дневника писателя» за 1877 г. (той самой, в которой он называет Толстого наследником Пушкина), анализируя «Отрочество», Достоевский замечает: «Подавленные, еще не сознательные детские вопросы, сильное ощущение какой-то гнетущей несправедливости, мнительное раннее и страдальческое ощущение собственной ничтожности, болезненно развившийся вопрос: «Почему меня так *все* не любят», страстное желание заставить жалеть о себе, то есть то же, что страстное желание любви от *них всех*, – и множество, множество других усложнений и оттенков» [2. Т. 25. С. 34–35].

Но в этом же контексте событийной встречи толстовского героя с миром Других Достоевский видит и начало разложения устойчивой «белкинской» модели ценностного обустройства реальности: «Дело в том, что те или другие из этих оттенков непременно были, но – есть и черты какой-то новой действительности, совсем другой уже, чем какая была в успокоенном и твердо, издавна сложившемся московском помещичьем семействе средне-высшего круга, *историком* которого явился у нас граф Лев Толстой, и как раз, кажется, в ту пору, когда для прежнего русского дворянского строя, утверждавшегося на прежних помещичьих основаниях, пришел какой-то новый, еще неизвестный, но радикальный перелом, по крайней мере, огромное перерождение в новые и еще грядущие, почти совсем неизвестные формы» [2. Т. 25. С. 35].

Вновь Достоевский называет Толстого «историком» в оговоренном смысле слова, но всё же он признает, что «белкинская» модель ценностной организации жизни не становится у автора «Отрочества» единственным принципом событийного оформления реальности. Огромную роль в мире

последнего играет также ценностная феноменология Я, с присущим ей вопросом долга и вины. Проступание этой стороны событийной архитектоники разрушает наивную одержимость Другим, присущую «белкинской» модели, но в точке торжества аксиологической феноменологии Я в мире Толстого утрачивается роль Другого.

Итак, Достоевский видит в творчестве Толстого проявление «белкинской» вариации архитектурного взаимодействия Я и Другого в рамках ценностного события. Можем ли мы утверждать, что сам Толстой интерпретировал собственный художественный мир в этой же системе понятий? Нужно признать, что у нас нет для этого оснований. Этот писатель тоже ищет подход к событийному присутствию человека, но архитектурное различие позиций Я и Другого не становится для него главным инструментом решения этой задачи (хотя некоторые последствия этой разницы попадают в его кругозор).

Литература

1. Розенблюм Л. Толстой и Достоевский: (Пути сближения) // *Вопр. лит.* 2006. № 6.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. *Кирпотин В.Я.* Достоевский-художник: Этюды и исследования // Кирпотин В.Я. *Избранные работы*: в 3 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3.
4. *Бахтин М.М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. *Собрание сочинений*: в 7 т. М.: Русские словари: языки славянской культуры, 1997. Т. 1.
5. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
6. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. / гл ред. М.Б. Храпченко. М.: Худож. лит. 1980. Т. 5.

Kazakov Alexey A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akaz75@mail.ru
TOLSTOY'S PLACE IN LITERATURE HISTORY IN DOSTOEVSKY'S PERCEPTION: IMAGOLOGICAL RECONSTRUCTION.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 5 (31), pp. 86–91. DOI 10.17223/19986645/31/6

Keywords: Dostoevsky, Tolstoy, Pushkin, Russian literature history, imagology, imagological reconstruction, value, architectonics, literature tradition, Russian writers as critics.

Dostoevsky always repeats that Tolstoy's works are not a new word in Russian literature but they develop Pushkin's prosaic discoveries. Interpreting this statement generalized vision of Pushkin is often used not scientifically (as usual, it is because a researcher has ideas determined by some general contemporary conception). A methodologically correct approach is expected to distinguish our images of Pushkin and Tolstoy from ones peculiar to Dostoevsky.

The imagological reconstruction of Dostoevsky's understanding of Tolstoy's role in the Russian literature history was made in this article on the basis of Dostoevsky's letters and publicist statements. This means rehabilitation of the "image", the entire model of Dostoevsky's perception of this problem which is determined by time conditions and Dostoevsky's creative searches. The writer believes that Tolstoy's artistic world is totally based on Pushkin's discoveries. The risk of unhistorical substitution of Dostoevsky's conception by our understanding of Pushkin and his influence on L. Tolstoy is very high in this issue. That is why the imagological reconstruction is necessary, for it could restore the conception relevant for Dostoevsky's creative perception. In the article the author reveals that the writer means the model of the value architectonics of a conventional type which he discovered in Pushkin's prose (first of all in *The Belkin Tales*). He detects this model in Tolstoy's works and that is why he regards him as Pushkin's successor.

In many Dostoevsky's works (especially in *Poor Folk*, *Humiliated and Insulted* and *The Adolescent*, where the Belkin theme is directly specified) Pushkin's model of the value system of reality is inventively interpreted (rather Belkin's, not Pushkin's model because in Pushkin's world there are other variants of value architectonics).

The field of value exertion is organized in the following way: axiology is not given by the Other, the living I in the acts provides material for possible evaluation of the people around (i.e. a value system in respect to the Other). Everything is done taking into account the existing ideas of what is good and bad using which the act will be evaluated. The life is based on conventional, generally accepted and recognized axiological object-related substances.

The crisis of the traditionalistically conventional axiological system is shown in Dostoevsky's novels. Looking after one's honor (from "The Captain's Daughter" epigraph) when one is young by simple following the decency rules as it was in Pushkin's model is impossible. Destinies of Varenka Dobroselova in *Poor Folk*, mother of Nelly and Natasha Ihmeneva in *Humiliated and Insulted* literally realize this idea and this problem, one way or another, is part of other characters' destinies.

The article shows that Dostoevsky sees the influence of this very axiological model in Tolstoy's works.

References

1. Rozenblyum L. Tolstoy i Dostoevskiy (Puti sblizheniya) [Tolstoy and Dostoevsky (rapprochement)]. *Voprosy literatury*, 2006, no. 6.
2. Dostoevskiy F.M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t.* [Complete Works and Letters. In 30 vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990.
3. Kirpotin V.Ya. *Izbrannye raboty: V 3 t.* [Selected Works. In 3 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. Vol. 3.
4. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: V 7 t.* [Works. In 7 vols.]. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1997. Vol. 1.
5. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]*. Translated from German. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
6. Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: V 22 t.* [Works. In 22 vols.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1980. Vol. 5.